

ЛАВАНДОВАЯ
АПТЕКА
В ПАРИЖЕ

перевод Романа Эйвадиса

18+

арома
терапия

МИО

МИФ Проза

Нина Георге

Лавандовая аптека в Париже

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2013

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-446

Георге Н.

Лавандовая аптека в Париже / Н. Георге — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2013 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281188-5

Жан Эгаре называет себя литературным аптекарем. В своей плавучей книжной лавке у набережной Сены он подбирает книги, как лекарства от душевных недугов. Но есть один человек, чью душу не может исцелить ни один роман, – он сам. Много лет он хранил свою боль в лавандовой комнате, где все напоминало о прошлом. Но теперь, когда правда наконец открылась, мсье Эгаре снимает баржу с якоря и отправляется в Прованс – туда, где воздух пропитан ароматом лаванды. Возможно, именно это путешествие поможет ему дописать эту главу жизни и вновь обрести себя. Ранее книга издавалась под названием «Лавандовая комната».

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-446

ISBN 978-5-00-281188-5

© Георге Н., 2013
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2013

Содержание

1	8
2	11
3	14
4	18
5	21
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Нина Георге

Лавандовая аптека в Париже

Original title:
DAS LAVENDELZIMMER
Nina George

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Das Lavendelzimmer

Copyright

© 2013 Nina George

© 2013 Knaur Verlag for the German edition

All rights reserved

© Эйвадис Р., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

*Посвящается моему отцу
Иоахиму Альберту Вольфгангу Георге, по прозвищу Джо Широкий
(Заваде/Айхвальдау, 20 марта 1938 года – апреля 2011 года, Хамельн)*

*Папа,
ты был единственным человеком, который читал все, что я
писала, с тех пор как я начала писать.
Мне будет не хватать тебя. Всегда.
Я вижу тебя в каждом вечернем огне и в каждой волне всех морей
и океанов.
Нина Георге, январь 2013 года*

1

Этот роман посвящается тем, кого уже нет. И тем, кто их все еще любит

Как я мог попасться на эту удочку?..

Две генеральши дома № 27 – его владелица мадам Бернар и консьержка мадам Розалетт – взяли мсье Эгаре в клещи на площадке между своими квартирами на первом этаже.

– Этот Ле П. поступил со своей женой как последний мерзавец!

– Что называется, ободрал как липку. Позор!

– Мужчинам, конечно, многое можно простить, когда видишь их жен... Ледышки в «Шанели»! И все же мужчины – это какие-то чудовища!

– Простите, я не понимаю, что, собственно...

– Нет-нет, вас это, конечно, не касается, мсье Эгаре. Вы просто кашемир по сравнению с дерюгой, из которой сшиты остальные мужчины.

– Короче говоря, у нас новая жилища. На вашем, на пятом этаже, мсье.

– Но у этой бедняжки ничего нет. Ровным счетом ничего! Кроме разбитых иллюзий. Ей нужно практически все!

– Так что, как говорится, не проходите мимо, мсье. Помогите чем можете. Она будет рада любому пожертвованию.

– Разумеется. Я мог бы предложить ей, например, несколько хороших книг...

– Честно говоря, мы имели в виду что-нибудь более... полезное. У мадам ведь...

– ...ничего нет. Понимаю.

Книготорговец был убежден, что нет ничего полезней книги, но пообещал подарить новой соседке стол.

У него ведь был лишний стол.

Мсье Эгаре засунул галстук между двумя верхними пуговицами наскоро выглаженной белой рубашки и аккуратно закатал рукава по локоть. Он в нерешительности стоял перед книжным стеллажом в коридоре. За стеллажом находилась комната, которую он не открывал двадцать один год.

Двадцать один год, двадцать одно лето и двадцать одно новогоднее утро.

Но злополучный стол стоял в этой комнате.

Он глубоко вздохнул и взялся за первый попавшийся том. Это был роман Джорджа Оруэлла «1984». Он не рассыпался на части. И не укусил его за руку, как злая кошка.

Он взял следующий том, потом еще два, потом потянулся к полке обеими руками и принялся выгребать книги охапками и складывать их в стопки на пол, рядом с собой.

Стопки быстро превращались в столбы. В башни. В волшебные горы. Он прочел название последней книги: «Когда часы пробили тринадцать»¹. Сказка – путешествие во времени.

Если бы он верил в предзнаменования, он расценил бы это как некий знак.

Он принялся кулаком снизу выбивать полки стеллажа из креплений. Потом отступил на шаг.

Вот она. Как призрак выступает из разобранной вербальной стены. Дверь в комнату, в которой...

Я же мог бы просто купить стол?

¹ Немецкое название романа английской детской писательницы Филиппы Пирс (1920–2006) «Том и полночный сад». Здесь и далее прим. пер.

Мсье Эгаре провел рукой по лицу. Да. Обтереть книги, поставить их на место и опять забыть про эту дверь. Купить стол и жить себе дальше, как жил все эти долгие годы. Через двадцать лет ему стукнет семьдесят, и оттуда, из будущего, он уж как-нибудь разберется с прошлым. А может, просто успеет умереть.

Трус.

Дрожащими пальцами он повернул дверную ручку, осторожно приоткрыл дверь, потом легонько толкнул ее внутрь, прищурил глаза и...

Лунный свет и сухой воздух. Он медленно вдохнул носом, приносясь, но ничего не почувствовал.

Запах *** исчез.

За двадцать одно лето мсье Эгаре научился обходить сознанием ***, как обходят открытые канализационные люки.

Ее имя обычно всплывало в его памяти как ***. Как короткий пробел тишины в ровном жужжании потока мыслей, как маленькое белое пространство среди образов прошлого, как точка темноты в его чувствах. Его мышление освоило все виды пробелов.

Мсье Эгаре осмотрелся в комнате. Она показалась ему такой тихой. И бледной, несмотря на обои цвета лаванды. Годы, проведенные за закрытой дверью, вытравили из нее цвет.

Свет из коридора почти не встречал преград, предметов, которые могли бы отбрасывать тени. Простой стул. Кухонный стол. Ваза с лавандой, украденной два десятилетия назад на плато Валансоль. И пятидесятилетний мужчина, опустившийся на стул и обхвативший себя руками.

Вон там были занавески. Там – картины, цветы и книги. Был кот Кастор, который спал на диване. Были горящие свечи, шепот, полные бокалы красного вина и музыка. Танцующие тени на стене – одна высокая, другая удивительно красивая.

В этой комнате жила любовь.

Теперь остался только я.

Мсье Эгаре прижал кулаки к горящим глазам. Он несколько раз судорожно глотнул, чтобы подавить слезы. У него перехватило дыхание, а спину вдруг обожгло каким-то горячим, болезненным ознобом.

Когда ему наконец удалось проглотить стальной ком в горле, он встал и открыл окна. В комнату полились запахи со двора.

Травы в садике Гольденбергов. Розмарин, тимьян. К ним примешался запах массажных масел Че, слепого подиатра, «мага и чародея в области потрескавшихся пяток». Эту палитру дополнял ослепительный дух, перекликающийся с острым, пряным ароматом жаренного на гриле мяса из кухни африканца Кофи. А поверх всего реял запах июньского Парижа – тонкий аромат липы и ожидания.

Но мсье Эгаре не желал поддаваться этому дурману. Он изо всех сил противился его магической власти. Он изрядно преуспел в искусстве игнорировать все, что могло спровоцировать тоску в любых ее проявлениях. Запахи. Мелодии. Красоту предметов.

Он принес из каморки, расположенной рядом с крохотной кухней, ведро воды и мыло и принялся отмывать стол.

Орудия тряпкой, он упорно отталкивал от себя неясный образ – воспоминание о том, как он когда-то сидел за этим столом, не один, а с ***. Он тер, скоблил и старался не слышать въедливого вопроса о том, как ему жить дальше теперь, когда он открыл комнату, в которой были погребены его любовь, его мечты и его прошлое.

Воспоминания – как волки: от них не убежишь, их не уговоришь оставить тебя в покое.

Мсье Эгаре отнес узкий стол к двери, просунул его сквозь разобранную книжную стену и потащил дальше, мимо волшебных бумажных гор на лестничную площадку, к квартире новой соседки.

Он уже хотел постучать, когда вдруг услышал эти пронзительно-печальные звуки.
Всхлипывания, приглушенные рыдания, словно сквозь подушку.
Кто-то плакал за зеленой дверью.
Женщина. И она плакала, явно стараясь, чтобы никто ее не услышал.

2

Она была женой «этого... ну, вы знаете, этого Ле П.»

Эгаре не знал никакого Ле П. Он не читал парижских сплетен.

Мадам Катрин «Ле П., ну, вы знаете» вернулась однажды поздним вечером домой из агентства своего мужа-художника, где работала на него в качестве пресс-секретаря. В дверь был врезан новый замок, на лестничной площадке стоял чемодан, на котором лежал бракоразводный контракт. Ее муж исчез, не оставив адреса, взяв с собой старую мебель и новую жену.

У Катрин, экс-супруги этого козла, теперь не было ничего, кроме более чем скромного гардероба, принадлежавшего ей еще до вступления в брак. И отчетливого осознания наивности веры в то, что, во-первых, любовь – это как минимум залог нормальных человеческих отношений между супругами после возможного разрыва, а во-вторых, что она слишком хорошо знает своего мужа, чтобы он мог ее еще чем-то удивить.

– Типичное заблуждение, – важно изрекла мадам Бернар, домовладелица, в промежутке между двумя кольцами дыма, выпущенными из трубки. – Мужа узнаешь по-настоящему только тогда, когда он от тебя уходит.

Мсье Эгаре еще не видел свою соседку, так безжалостно выброшенную из ее собственной жизни.

И вот он слушал ее одинокий плач, который она отчаянно пыталась заглушить, может быть, ладонями, а может, кухонным полотенцем. Он боялся смутить ее, обнаружив свое присутствие. В конце концов он решил сходить пока за стулом и вазой.

Вернувшись, он тихо шагал взад-вперед между своей и ее квартирами. Он хорошо знал все коварство этого старого гордого дома, знал, какие доски скрипят, какие стенки встроены позже и потому гораздо тоньше старых, а какие скрытые пустоты между стен действуют как резонаторы.

Когда он склонялся над своей географической картой в виде пазла из восемнадцати тысяч элементов – единственным предметом обстановки в гостиной, – дом посылал ему, словно радиосигналы, признаки жизни других обитателей.

Ссоры Гольденбергов. (Он: «Ну неужели ты не можешь хоть раз?.. Почему ты?.. Разве я не?..» Она: «Вечно ты!.. Никогда от тебя не дождешься!.. Я хочу, чтобы ты наконец!..») Он знал их еще свежее испеченными молодоженами. В ту пору они много смеялись. Потом пошли дети, и родители стали стремительно отдаляться друг от друга, как дрейфующие континенты.

Он слышал, как инвалидное кресло пианистки Клары Виолет переваливается через пороги, съезжает с ковров, катится по голому полу. Когда-то он видел ее весело танцующей.

Он слышал кухонные манипуляции старого Че и молодого Кофи. Че дольше гремел кастрюлями. Старик был слеп, сколько он его помнил, но говорил, что видит мир благодаря запахам и звукам, которые люди производят своими мыслями и чувствами. Че словно читал сквозь стены, безошибочно определяя, в какой из квартир любят друг друга, в какой враждуют друг с другом, в какой есть жизнь, а в какой нет.

Каждое воскресенье Эгаре слышал, как мадам Бомм и остальные члены клуба ее вдовствующих подружек по-девчоночьи хихикают над скабрёзными книжонками, которые он раздобыл для них тайком от их негодующих домочадцев.

Дом № 27 на рю Монтаньяр был крохотным океаном проявлений жизни, плещущим у берегов его безмолвного острова.

Он слушал все это уже двадцать лет. Он так хорошо изучил своих соседей, что иногда удивлялся, как мало они знают о нем самом (хотя его это вполне устраивало). Они даже не подозревали, что у него в квартире не было другой обстановки, кроме кровати, вернее – матраса, стула и вешалки, никаких безделушек, статуэток, никакой музыки, никаких фотоальбо-

мов, мягкой мебели или посуды (если не считать абсолютного минимума, рассчитанного на одного человека). Они не знали, что он добровольно избрал эту спартанскую простоту. Две комнаты, в которых он жил, были настолько пусты, что, когда он кашлял, ему отвечало эхо. В гостиной была лишь огромная карта-пазл на полу. Спальню делили между собой матрас, гладильная доска, лампа для чтения и вешалка на колесиках, на которой висели три совершенно одинаковых комплекта одежды: три пары серых брюк, три белые рубашки и три коричневых пуловера. В кухне были кофейник, банка с кофе и полка с продуктами, расположенными по алфавиту. Может, это даже хорошо, что никто этого не видел.

И все же он питал странные чувства к жильцам дома № 27. Он почему-то гораздо лучше чувствовал себя, когда знал, что у них все хорошо. И пытался ненавязчиво и по возможности незаметно способствовать их благополучию. В этом ему помогали книги. В остальном же он всегда держался на заднем плане общей картины, где-то между грунтовкой и верхним красочным слоем, в котором пульсировала жизнь.

Был, впрочем, один новый жилец, Максимилиан Жордан с четвертого этажа, который все еще никак не мог оставить его в покое. Жордан носил беруши, изготовленные по индивидуальному заказу, поверх них – наушники от холода, а в холодные дни еще и вязаную шапку. Это был молодой писатель. Он в одночасье прославился своим первым романом, грянувшим словно победный марш, и теперь, как затравленный заяц, бегал от поклонников, которые готовы были поселиться прямо в его квартире. Этот Жордан проявлял к мсье Эгаре какой-то странный интерес.

Когда Эгаре закончил свою инсталляцию в виде кухонного стола, стула и вазы перед дверью новой соседки, плач прекратился.

Вместо него он услышал скрип половиц, на которые кто-то ступал явно с таким расчетом, чтобы они не скрипели.

Он робко постучал в матовое стекло зеленой двери.

С той стороны к двери приблизилось лицо. Смутный светлый овал.

– Да?.. – прошептал овал.

– Я принес вам стол и стул.

Овал молчал.

Надо говорить с ней мягко, ласково. Она так долго плакала, что, наверное, вся пересохла и еще, чего доброго, рассыплется в прах, как осенний лист.

– И вазу... для цветов. Красные цветы, например, очень неплохо смотрелись бы на белом столе.

Он почти прижался щекой к стеклу.

– Я мог бы дать вам и какую-нибудь хорошую книгу... – прошептал он.

Свет в подъезде погас.

– Какую? – прошептал овал.

– Какую-нибудь такую, которая может утешить.

– Но я еще не выплакалась. Мне еще нужно поплакать. Иначе я утону. Понимаете?

– Конечно. Люди часто плавают в невыплаканных слезах, пока не утонут в них. – *Я и сам на дне такого моря.* – Хорошо, я принесу вам книгу, чтобы плакать.

– Когда?

– Завтра. Пообещайте мне, что вы сначала что-нибудь съедите и выпьете, а потом уж продолжите плакать.

Он сам не понимал, как это у него вырвалось. Виновата, наверное, была дверь между ними. Стекло запотело от ее дыхания.

– Хорошо, – сказала она. – Обещаю.

Когда свет на лестнице опять загорелся, овал за стеклом вздрогнул и отпрянул назад. Мсье Эгаре на секунду приложил руку к тому месту, где только что было ее лицо.

А если ей понадобится еще что-нибудь, комод или картофелечистка, я просто куплю и скажу, что это из моих запасов.

Он вернулся в свою квартиру, опустил задвижку. Дверь за книжными стенами все еще была открыта. И чем дольше мсье Эгаре смотрел внутрь комнаты, тем навязчивее становилось ощущение, что там прямо из пола встает, как мираж, лето 1992 года. Кот в белых бархатных носочках прыгнул с дивана и потянулся. Луч солнца скользнул по голой спине, она повернулась и превратилась в ***. Женщина улыбнулась мсье Эгаре, встала и голая, с книгой в руке, пошла к нему.

«Ну что, ты наконец созрел?» – спросила ***.

Мсье Эгаре захлопнул дверь.

«Нет».

3

– Нет, – сказал мсье Эгаре и на следующее утро. – Эту книгу я не хотел бы вам продавать.

Он мягко взял «Ночь» из рук покупательницы. Из всего множества романов его «книжного ковчега» под названием «Литературная аптека» она выбрала именно злополучный бестселлер Максимилиана (он же Макс) Жордана. Этого любителя наушников с четвертого этажа дома № 27 на рю Монтаньяр.

Покупательница изумленно уставилась на него:

– Это почему же?

– Макс Жордан вам не подходит.

– Макс Жордан мне «не подходит»?..

– Да. Это не ваш тип.

– Так-так... Не мой тип, говорите? Вы уж извините, но я должна вам напомнить, что ищу на вашем «книжном ковчеге» не супруга, а книгу, *mon cher Monsieur*²!

– Нет уж, позвольте: то, что вы читаете, в конечном счете гораздо важнее, чем то, за кого вы выйдете замуж, *ma chère Madame*³.

Она посмотрела на него, прищурив глаза:

– Значит, так: вы даете мне эту книгу, получаете свои деньги, и будем считать, что сегодня чудесный день!

– Он и так чудесный. Завтра, вероятно, начнется настоящее лето. А книгу эту вы не получите. Во всяком случае, из моих рук. Вы позволите предложить вашему вниманию что-нибудь другое?

– Чтобы в конце концов всучить мне какого-нибудь дряхлого классика, которого вы просто боитесь выбросить за борт, потому что он, чего доброго, отравит там всю речную фауну? – произнесла она, постепенно повышая голос.

– Книги – это не яйца. Они не могут протухнуть от возраста. – Мсье Эгаре тоже взял на тон выше. – Возраст – это не болезнь. Все стареют, в том числе и книги. Но разве вы (или кто-нибудь другой) теряете значимость только оттого, что на пару лет дольше живете на этом свете?

– Да это просто смешно – разводить глубокую философию на мелком месте только для того, чтобы не продать мне эту дурацкую «Ночь»!

Покупательница, вернее – бывшая покупательница, бросила кошелек в свою элегантную сумку, яростно рванула молнию, но ту заело.

Эгаре почувствовал, как в нем вздымается какая-то темная волна – какая-то бешеная злость; он успел осознать, что она не имеет никакого отношения к этой женщине, но был уже не в силах совладать с собой. Он пошел вслед за ней, возмущенно шагающей сквозь сумрачное чрево «книжного ковчега» между длинными шеренгами стеллажей.

– У вас есть выбор, мадам! – крикнул он ей вслед. – Вы можете наплевать на меня и уйти. А можете прямо сейчас, с этой минуты, навсегда избавиться от ненужных мук!

– Спасибо. Именно это я и делаю.

– Вам нужно лишь довериться спасительной власти книг, отказавшись от бесполезных отношений с мужчинами, которые в той или иной форме оскорбляют вас своим равнодушием, и от идиотизма бесконечных диет и прочих ухищрений, к которым вы прибегаете, потому что один, видите ли, считает вас недостаточно стройной, а другой – недостаточно глупой!

– Послушайте, что вы себе позволяете?..

² Дорогой мсье (*фр.*).

³ Дорогая мадам (*фр.*).

– Книги уберегут вас от глупости. От ложных надежд. От бесполезных и вредных связей. Они облекут вас в броню любви, силы, знания. Это жизнь изнутри. Выбирайте – книга или...

Прежде чем он успел закончить фразу, в окне показался речной трамвай. На палубе стояла группа китайцев под зонтами. Увидев знаменитую плавающую «Литературную аптеку», они дружно защелкали затворами фотокамер. От борта судна к берегу потянулись буро-зеленые водяные барханы.

Палуба «книжного ковчега» дрогнула.

Покупательница закачалась на своих стильных высоких каблуках.

Но Эгаре вместо руки протянул ей «Элегантность ежика».

Она машинально ухватила за книгу, чтобы не потерять равновесие.

Эгаре, не выпуская из руки роман, продолжал, уже тише, примирительно и даже ласково:

– Вам нужна своя комната. Не слишком светлая, с маленьким котенком, который скрасит ваше одиночество. И эта книга, которую я советую вам читать медленно, чтобы время от времени иметь возможность передохнуть. Вы будете много думать и, может быть, даже плакать. О себе. О своих ушедших годах. Зато потом вам станет легче. Вы поймете, что вам совсем не нужно умирать только потому, что какой-то тип обошелся с вами по-свински. И вы опять полюбите себя и уже не будете казаться себе уродливой и наивной.

Только после этих слов он отпустил книгу.

Покупательница смотрела на него широко раскрытыми глазами. И по застывшему в них ужасу он понял, что попал в точку. В яблочко.

Она разжала пальцы, книга упала на пол.

– Да вы просто сумасшедший!.. – полушепотом произнесла она, резко повернувшись и пошла, стуча каблукками, сквозь чрево «книжного ковчега» к набережной.

Мсье Эгаре поднял с пола «Ежика». Обложка книги получила при падении серьезную травму. Придется отдать творение Мюриель Барбери за пару евро кому-нибудь из букинистов, работающих на набережной, для погребения на книжных развалах.

Он проводил взглядом покупательницу. Та пробивалась сквозь толпу фланеров. Плечи ее дрожали.

Она плакала. Плакала как человек, который хотя и понимает, что не умрет от этой маленькой драмы, но все же остро чувствует причиненную ему обиду, болезненно ощущает всю несправедливость того, что это случилось именно с ним, именно сейчас. Ей ведь и без того уже нанесли рану, глубокую, кровоточащую. Неужели этого мало? Неужели обязательно еще и натравливать на нее какого-то злобного книготорговца?

Мсье Эгаре вполне допускал, что она дает ему, безмозглому бумажному тигру, кичащемуся своей дурацкой «Литературной аптекой», все двенадцать баллов по своей собственной десятибалльной оценочной шкале идиотизма.

Он мысленно соглашался с этой оценкой. Эта внезапная потеря самообладания, это слепое, тупое упрямство явно были как-то связаны с прошедшей ночью и с лавандовой комнатой. Потому что обычно он не позволял себе ничего подобного.

Прежде его не могли выбить из равновесия никакие причуды, капризы или выходки покупателей. Всех клиентов он делил на три категории. Первая – это те, для кого книги – единственный глоток кислорода в безвоздушном пространстве серых будней. Его любимые клиенты. Они следовали его советам и рекомендациям или поверяли ему свои слабости и комплексы. («Только, пожалуйста, никаких романов, в которых встречаются горы, или высотные лифты, или панорамы, открывающиеся со смотровых площадок! У меня акрофобия»⁴.) Иногда они напевали, вернее – чаще «обозначали» в разговоре с мсье Эгаре какие-нибудь детские песенки («ля-ля-ля, пам-пам-пам» – ну, вы наверняка знаете это?), в надежде, что великий книготорго-

⁴ Боязнь высоты.

вещ вспомнит за них заветные пассажи и даст им книгу, в которой эти мелодии детства играют некую важную для них роль. Чаще всего он действительно помнил то, что им было нужно. В свое время он и сам много пел.

Представители второй категории являлись на его «Лулу», «книжный ковчег» у пристани близ Елисейских Полей, только потому, что их привлекало название устроенной на борту Pharmacie littéraire⁵.

Чтобы купить несколько оригинальных почтовых открыток («Чтение вредит предрассудкам», «Кто читает, тот не лжет. Во всяком случае, пока читает»), миниатюрную книжечку в коричневом медицинском флаконе или просто сделать несколько фотоснимков.

Но эти люди были ангелами в сравнении с третьей категорией клиентов, которые считали себя королями, хотя манеры их были отнюдь не королевскими. Они, не здороваясь и даже не глядя на хозяина, раздраженно вопрошали его, лапая книги своими жирными пальцами, которыми только что ели картофель фри:

– А что, у вас нет пластыря со стихами?... А туалетной бумаги с детективами? А почему бы вам не включить в ассортимент надувные дорожные подушки? Для книжной аптеки это было бы вполне логично.

Мать Эгаре, Лирабель Бернье (после развода Лирабель Эгаре), убедила его начать торговать «французской водкой» для втираний и антитромбозными чулками. Мол, у женщин после определенного возраста от длительного чтения в кресле отекают ноги.

Бывали дни, когда чулки продавались лучше беллетристики.

Он вздохнул.

И что этой дамочке с обнаженными нервами так приспичило читать «Ночь»?

Допустим, особого вреда от этого не было бы.

Во всяком случае, это было бы несмертельно.

Газета «Монд» превозносила роман Макса Жордана как «новый голос разгневанной молодежи». Женские журналы дышали тоской по «юноше с алчущим сердцем» и печатали фото автора, все более превосходящие по формату его изображение на обложке романа. Макс Жордан всегда выглядел на этих фото немного удивленным.

«И обиженным», – подумал Эгаре.

Дебютный роман Жордана кишел мужчинами, которые из страха потерять себя не могли противопоставить любви ничего, кроме ненависти и циничного равнодушия. Один из критиков торжественно провозгласил «Ночь» «манифестом нового маскулинизма».

Эгаре был менее патетичен в своей оценке романа. По его мнению, это была отчаянная попытка анализа внутренней жизни молодого человека, который впервые влюбился и не понимает, как он, будучи отключен от системы самоконтроля, может входить в состояние любви и точно так же, без какого бы то ни было участия с его стороны, из этого состояния выходить. Какие психологические перегрузки он испытывает оттого, что не сам решает, кого ему любить, кем быть любимым, где все начинается и кончается и что делать с жуткой непостижимостью и непредсказуемостью того, что находится между началом и концом этого процесса.

Любовь – грозная повелительница мужчин... Неудивительно, что главный инстинкт мужчины перед лицом этой тиранки – бегство. Миллионы женщин читали роман Жордана, чтобы понять, почему мужчины так жестоки с ними. Почему они внезапно врезают в дверь новый замок, прибегают к СМС, чтобы сообщить о своем уходе, спят с их лучшей подругой. И все только для того, чтобы перехитрить эту «повелительницу»: ну что, мол, съела? Со мной этот номер не пройдет! Поищи дураков!

Но неужели женщины находят в этом какое-то утешение?

⁵ Литературная аптека (фр.).

«Ночь» была переведена на двадцать девять языков. Ее напечатали даже в Бельгии, как сообщила консьержка Розалетт, а что касается бельгийцев – истинный француз, в конце концов, имеет право на здоровые предрассудки.

Макс Жордан поселился в доме № 27 на рю Монтаньяр полтора месяца назад. Напротив Гольденбергов, на четвертом этаже. Ни одной из поклонниц, терроризировавших его амурными письмами, телефонными звонками и генеральными исповедями, пока еще не удалось обнаружить его новое убежище. Они даже координировали свои действия на «ночном» вики-форуме. Делились соображениями по поводу его подружек (отсутствие информации о таковых породило большой вопрос: уж не девственник ли Жордан?..), его эксцентричных привычек и увлечений (наушники) и возможных мест его проживания (Париж, Антиб, Лондон).

Ночеманки уже не раз наведывались и в «Литературную аптеку». Они были в наушниках и чуть ли не на коленях умоляли мсье Эгаре организовать какие-нибудь чтения с участием их идола. Когда Эгаре озвучил своему соседу их предложение, этот двадцатидвухлетний мальчишка побелел как полотно. «Сценическая лихорадка», – подумал Эгаре.

Для него Жордан был просто юношей, который не знал, куда скрыться от чрезмерного внимания. Ребенком, которого, не спросив его согласия, произвели в литераторы. А для многих он, без сомнения, был еще и предателем мужских интересов на поле чувственной брани. В интернете существовали и «антиночные» форумы ненависти, на которых анонимные комментаторы разбирали роман Жордана по косточкам, глумились над ним и сулили автору ту же участь, что постигла его главного героя: когда тот понял, что никогда не сможет контролировать чувство любви, он бросился с корсиканской скалы в море.

Самое привлекательное в романе сыграло для автора роковую роль: он показал катакомбы внутренней жизни мужчин, причем с невиданной доселе откровенностью. Он растоптал все привычные литературные идеалы и образы мужчин. Всех этих «цельных типов», «мужчин без эмоций», «инфантильных стариков» или «одиноких волков». «Мужчина тоже человек», – гласило название статьи в одном феминистском журнале, авторитетно резюмировавшей полемику по поводу дебютного романа Жордана.

Эгаре импонировала смелость Жордана. С другой стороны, его роман напоминал ему гаспачо, который так и норовит убежать из кастрюли. А его создатель был таким же трепетным и при этом начисто лишен какого бы то ни было защитного панциря. И если принять Эгаре за негатив, Жордан был позитивом.

Эгаре тщетно пытался представить себе, как это возможно при такой остроте восприятия все еще оставаться в живых.

4

Следующим покупателем был англичанин.

– Я тут недавно видел одну книгу в зелено-белой обложке. Она уже переведена? – спросил он.

Эгаре выяснил, что речь идет о романе, который уже семнадцать лет принадлежал к классике, и продал англичанину вместо требуемой книги томик стихов. После этого он помогал курьеру таскать на борт коробки с заказанными книгами, а потом отбирал вместе с вечно загнанной, как почтовая лошадь, учительницей младших классов из школы, расположенной на другом берегу Сены, детские книжки для ее подопечных.

Потом вытирал нос семилетней девочке, которым та уткнулась в «Темные начала»⁶, и продал ее бледной от усталости матери в кредит тридцатитомную энциклопедию.

– Вы посмотрите на этого ребенка, – сказала мать. – Вбила себе в голову прочесть все тридцать томов до своего совершеннолетия! Я говорю: хорошо, будет тебе эта инце... энцикал... ну, короче, эта хреновина. Но уже никаких подарков на день рождения. И на Рождество.

Эгаре приветливо кивнул девочке. Та с серьезным выражением лица кивнула ему в ответ.

– Ну разве это нормально? – озабоченно продолжала мать. – В таком возрасте!

– По-моему, это смелое, мудрое и правильное решение.

– А если от нее потом будут бегать все мужики, потому что она слишком умная?

– Глупые точно будут бегать, мадам. Но зачем они ей? Глупый мужчина – это катастрофа для женщины.

Мать оторвала взгляд от своих красных натруженных рук и изумленно посмотрела на него.

– Почему мне никто этого не сказал раньше? – произнесла она с грустной улыбкой.

– Знаете что? – ответил Эгаре. – Выберите какую-нибудь книгу, которую вы хотели бы подарить дочери на день рождения. В нашей «аптеке» сегодня день скидок. Покупаешь энциклопедию – получаешь роман в подарок.

– Да нас ждет на набережной бабушка.

Она бездумно приняла его маленькую донкихотскую ложь за чистую монету.

– Моя мать рвется в дом престарелых, – продолжала она, тяжело вздохнув. – Мол, хватит мне с ней возиться. А я не могу. А вы смогли бы?

– Вы выбирайте спокойно, а я пока провожаю вашу бабушку, хорошо?

Женщина кивнула с благодарной улыбкой.

Эгаре отнес бабушке на набережную стакан воды.

Ступить на сходни она не рискнула.

Эгаре было хорошо знакомо недоверие стариков к «морской специфике» его заведения, он не раз консультировал клиентов преклонного возраста на этой скамейке, где теперь сидела бабушка. Чем ближе финал, тем больше ценят старики остатки отпущенного им времени. И тем тщательнее избегают каких бы то ни было опасностей. Поэтому они не любят уезжать далеко от дому, просят, чтобы спилили старые деревья во дворе, которые могут рухнуть на крышу, и отказываются ходить по сходням из пятимиллиметровой стали, соединяющим плавающий магазин с набережной.

Эгаре принес бабушке еще и книжный каталог. Та с готовностью приняла его, чтобы использовать в качестве веера, и похлопала ладонью по скамейке рядом с собой, приглашая Эгаре сесть.

⁶ Фантастическая трилогия английского писателя Филипа Пулмана.

Старушка чем-то напомнила ему его мать Лирабель. Возможно, взглядом, зорким и умным. Он сел. Сена слепила глаза своим блеском, небо вздымалось над городом голубым, полетному ярким куполом. С площади Согласия доносились шелест шин и твяканье клаксонов – казалось, тишины никогда не было и не будет. После четырнадцатого июля⁷, когда начнутся летние каникулы и парижане временно оккупируют морское побережье и горы, в городе станет чуть свободней. Но даже в эти дни Париж будет таким же шумным и ненасытным.

– Вы тоже так иногда делаете? – спросила вдруг бабушка. – Перебираете старые фотографии и смотрите, не видно ли по лицам умерших, что они чувствуют близость смерти?

Мсье Эгаре отрицательно покачал головой:

– Нет.

Старушка открыла дрожащими пальцами, покрытыми старческими пигментными пятнами, висевший на шее медальон:

– Это мой муж. За две недели до смерти. Представьте себе: чик – и ты уже молодая вдова, и у тебя вдруг пустая комната...

Она провела пальцем по крохотному портрету супруга, ласково щелкнула его ногтем по носу:

– Какой спокойный у него взгляд! Как будто все его планы обязательно должны осуществиться. Вот так смотришь в объектив и думаешь, что жизнь никогда не кончится. И вдруг... бонжур, вечность!

Она замолчала.

– Я, во всяком случае, больше не фотографируюсь, – сказала она после паузы и подставила лицо солнцу. – А у вас есть книги о смерти?

– Есть. И даже много. О старости, о неизлечимых болезнях, о медленной смерти, о быстрой смерти, об одинокой смерти, где-нибудь на полу больничной палаты...

– Я иногда думаю: почему больше не пишут книг про жизнь? Умереть может каждый, а вот жить...

– Вы правы, мадам. О жизни можно было бы рассказать очень много. О жизни с книгами, о жизни с детьми, о жизни для начинающих.

– Так напишите.

Как будто я главный консультант в этой области.

– Я бы лучше написал энциклопедию тривиальных чувств. От «а» (какая-нибудь «аллергия на путешествующих автостопом») до «я» («ярость, вызываемая комплексами по поводу пальцев ног, якобы могущих убить любовь»).

«Зачем я говорю это совершенно чужому человеку?» – подумал Эгаре.

Не надо было открывать комнату!

Бабушка потрепала его по колену. Он вздрогнул. Прикосновения были ему противопоказаны.

– Энциклопедия чувств... – повторила она с улыбкой. – Да, про пальцы ног – это мне знакомо. Энциклопедия тривиальных чувств... Вы знаете этого немца? Эриха Кестнера?

Эгаре кивнул. В 1936 году, незадолго до того, как Европа погрузилась в черно-коричневый мрак, Кестнер поделился с читателями своими запасами поэтических медикаментов, опубликовав «Лирическую домашнюю аптечку доктора Кестнера». «Эта книга посвящена лечению и профилактике личной жизни, – написал он в предисловии. – В гомеопатических дозах она поможет пациентам преодолеть мелкие и серьезные трудности бытия. Область применения – среднестатистическая внутренняя жизнь».

– Кестнер как раз и есть главная причина, по которой я назвал свой плавучий магазин «Литературной аптекой», – сказал Эгаре. – Я хотел лечить чувства, которые не считаются забо-

⁷ День взятия Бастилии, национальный праздник во Франции.

лением. Все эти маленькие эмоции и ощущения, которые не интересуют терапевтов, потому что они якобы не поддаются диагностике и несущественны. Например, чувство, что еще одно лето подходит к концу. Или ощущение, что осталось слишком мало времени, чтобы найти свое место в жизни. Или горечь от осознания того, что еще одна связь рвется, так и не пустив корней, и нужно заново начинать поиски спутника жизни. Или тоска, которую испытываешь утром в день рождения. Ностальгическая грусть по далекому детству. Ну и так далее.

Он вдруг вспомнил, как мать однажды рассказала ему о недуге, против которого никак не могла найти лекарств: «Есть женщины, которые смотрят только на твои туфли и никогда не смотрят в лицо. А есть такие, которые, наоборот, смотрят только в лицо и почти не обращают внимания на туфли».

Вторые были ей милее. А с первыми она чувствовала себя униженной и недооцененной.

И вот для того, чтобы облегчить именно такие, необъяснимые, но вполне реальные страдания, он и купил самоходную баржу, которая тогда называлась «Лулу», собственноручно переоборудовал ее под магазин и наполнил книгами, представляющими собой единственное лекарство от множества неопределенных душевных заболеваний.

– В самом деле – напишите! Энциклопедию чувств для литературных фармацевтов. – Бабушка выпрямилась, заметно оживилась и даже разволновалась. – Включите в нее еще «доверие к чужим людям», на Д. Странное чувство, которое испытываешь в поездах, когда перед совершенно незнакомым попутчиком легче раскрыть душу, чем перед своими близкими. А еще «утешение во внуках», на У. Это приятное сознание того, что жизнь продолжается...

Она замолчала. На лице ее застыло мечтательное выражение.

– Комплексы по поводу пальцев ног... Я тоже страдала этим комплексом. А оказалось... оказалось, что они ему нравились, мои ноги...

«Это неправда, что продавцов книг интересуют книги, – подумал Эгаре, когда бабушка, мама и дочка ушли. – Их интересуют люди».

В полдень, когда поток покупателей иссяк – обед для французов дороже государства, религии и денег, вместе взятых, – Эгаре тщательно вымыл жесткой щеткой сходни, разворошив при этом паучье гнездо. Тут он заметил Кафку и Линдгрена, шествовавших по набережной в его сторону. Эту парочку, навещавшую его каждый день, он прозвал так за их специфические пристрастия: серый кот с белой пасторской планкой имел сладострастную привычку точить когти об «Исследования одной собаки» Франца Кафки, басню, в которой мир людей читатель видит глазами собаки. А рыже-белая красавица Линдгрена с длинными ушами и приветливым взглядом любила валяться среди книг про Пеппи Длинныйчулок, внимательно изучая из своего укрытия каждого покупателя. Иногда Кафка и Линдгрена доставляли Эгаре удовольствие, без предупреждения спрыгивая с верхних полок на кого-нибудь из клиентов третьей категории, этих противных типов с жирными пальцами.

Привычно дождавшись момента, когда можно было беспрепятственно пройти по сходням на борт, не рискуя попасть кому-нибудь под ноги, хвостатые библиофилы принялись с громким мурлыканьем ласково тереться о его икры.

Мсье Эгаре не шевелился. Только в эти короткие мгновения он позволял себе приоткрыть непроницаемую броню и наслаждался живым теплом кошек. Их мягкостью. На несколько секунд он полностью отдавался этой сладкой неге.

Эти почти ласки были единственными прикосновениями в жизни мсье Эгаре.

Единственными, которые он себе позволял.

Краткий сеанс блаженства был прерван леденящим душу приступом кашля, разразившимся за стеллажом, на котором Эгаре разместил «лекарства» от пяти главных напастей большого города – суеты, равнодушия, жары, шума и водителей автобусов с садистскими наклонностями.

5

Кошки шмыгнули прочь и устремились сквозь сумрак книжных джунглей на камбуз, где Эгаре уже поставил для них на пол банку с тунцом.

– Мсье? – громко произнес Эгаре. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Я ничего не ищу, – прохрипел Макс Жордан.

Автор пресловутого бестселлера, неразлучный со своими наушниками, нерешительно вышел из-за стеллажа. В каждой руке он держал по дыне.

– И давно вы тут стоите втроем? – с шутливой строгостью спросил Эгаре.

Жордан кивнул, лицо его медленно залила краска смущения.

– Я пришел, когда вы отказались продавать даме мою книгу, – унылым голосом ответил Жордан.

Ай-йй-йй, как не вовремя!

– Вы действительно считаете ее такой ужасной?

– Нет, – в ту же секунду ответил Эгаре.

Малейшее промедление Жордан истолковал бы как «да». А Эгаре совсем не хотелось причинять бедолаге такую боль. Тем более что он и в самом деле ничего не имел против этой книги.

– Почему же вы сказали, что я ей не подхожу?

– Мсье... э-э-э...

– Называйте меня просто Максом.

Чтобы этот мальчишка тоже начал обращаться ко мне по имени? Нет уж, увольте.

Последним, кто называл его по имени – своим теплым, шоколадным голосом, – была ***.

– С вашего позволения, я все же предпочел бы «мсье Жордан». Вы не возражаете, мсье Жордан? Да, так вот, дело в том, что я торгую книгами как лекарствами. Одни книги полезны для миллиона читателей, другие – для сотни. А есть такие лекарства – пардон, книги, – которые написаны для одного-единственного читателя.

– О боже! Для одного? Для одного-единственного?... Несколько лет работы?

– Конечно! Если это может спасти целую жизнь! Но этой даме «Ночь» сейчас не нужна. Она бы нанесла ей вред. Слишком опасные побочные действия.

Жордан задумался, глядя на тысячи книг, наполнявших чрево бывшей баржи, громоздившихся на полках, креслах, столах.

– Но откуда вы знаете, какая у человека проблема и какие могут возникнуть побочные действия?

М-да. Как объяснить этому Жордану, что он и сам точно не знает, как это делает?

Эгаре активно использовал уши, глаза и инстинкт. Он был способен за несколько минут разговора распознать в душе человека все, что того беспокоит. Прочитать в жестах, движениях, позе, какие чувства сковывают его или угнетают. Наконец, он обладал способностью, которую его отец называл «рентгеноскопическим слухом».

– Ты видишь и слышишь как бы сквозь камуфляж, которым большинство людей пользуются для маскировки. Ты же за этой маскировочной ширмой угадываешь все, что их беспокоит, чего им недостает и о чем они мечтают.

У каждого человека есть свои таланты, и его талантом был как раз этот «рентгеноскопический слух».

Один из его постоянных клиентов, терапевт Эрик Лансон, лечивший неподалеку от Елисейского дворца правительственных чиновников, как-то признался Эгаре, что завидует его «психометрической способности определять параметры души точнее, чем это делает терапевт со своим замылившимся за тридцать лет работы слухом».

Каждую пятницу после обеда Лансон приходил в «Литературную аптеку». Он питал страсть к фэнтези со всякими драконами и волшебными мечами и пытался развеселить Эгаре психоанализом тех или иных персонажей.

Лансон посылал к мсье Эгаре своих пациентов, политиков и их эксцентричных клерков. С «рецептами», в которых невроты были зашифрованы посредством беллетристических кодов: «кафкоидный с примесью Пинчона», «Шерлок сверхиррациональный», «редчайший синдром Поттера под лестницей».

Для Эгаре это каждый раз было серьезным испытанием его профессионализма – нелегко приобщить к книгам людей (чаще всего мужчин), живущих в мире алчности, злоупотребления властью и тупого канцелярского сизифова труда. Но как отрадно было видеть, как кто-нибудь из этих затравленных биороботов бросал свою опостылевшую работу, отнявшую у него последние крохи индивидуальности! Часто одной из причин освобождения становилась книга.

– Видите ли, Жордан, – решил Эгаре зайти с другого конца, – книга – это одновременно и лекарь, и лекарство. Она ставит диагноз и оказывает терапевтическое действие. Правильный выбор романа для того или иного недуга – это и есть смысл моей книготорговой деятельности.

– Понятно. А мой роман был стоматологом, в то время как этой даме был нужен гинеколог.

– Э-э-э... нет.

– Нет?

– Книги, разумеется, не только врачи. Есть романы, которые играют роль верного спутника. А другие – роль пощечины. Третьи – роль подруги, которая накидывает вам на плечи теплый плед, когда на вас наваливается осенняя тоска. А некоторые... Некоторые – как розовая сахарная вата: пощекочут несколько секунд ваш мозг и оставляют в нем приятное ощущение пустоты. словно мимолетное острое любовное приключение.

– Значит, «Ночь» – это что-то вроде литературного one-night-stand⁸? Этакая милая потаскушка?

Проклятье! С писателями ни в коем случае нельзя говорить о других книгах. Старое правило книготорговцев.

– Нет. Книги – как люди, люди – как книги. Я объясню вам, как я это делаю. Я спрашиваю себя: является ли он или она главным или второстепенным персонажем в собственной жизни? Что его движет? Не собирается ли она вычеркнуть себя из собственной истории, потому что муж, профессия, дети, работа отняли у нее весь ее текст?

Макс Жордан смотрел на него с возрастающим удивлением.

– У меня в голове приблизительно тридцать тысяч историй. Это не так уж много – при одном миллионе наименований книг в одной только Франции. Восемь тысяч самых полезных произведений у меня собраны здесь, это своего рода аварийная аптечка для экстренных случаев. Но я составляю и курсы лечения. Смешиваю, так сказать, ингредиенты из букв – получается этакая поваренная книга с занимательными рецептами для воскресного семейного чтения. Роман, главная героиня которого похожа на читательницу; лирика, вызывающая слезы, которые могут отравить пациента, если он будет глотать их молча. Я слушаю своих покупателей нутром. – Он показал на солнечное сплетение. – А еще вот этим местом. – Он потер затылок. – И вот этим. – Он коснулся пальцем нежной впадинки между носом и верхней губой. – Если это место чешется, значит...

– Послушайте, но нельзя же...

– Еще как можно!

У него это получалось с 99,99 процента собеседников.

⁸ Роман на одну ночь (англ.).

Попадались, правда, и такие, которых Эгаре не мог сканировать своим рентгеноскопическим слухом. Например, себя самого. Но об этом мсье Жордану пока знать необязательно.

В то время как Эгаре читал Жордану эту лекцию, где-то на периферии сознания, параллельно мыслительному процессу и независимо от его воли, у него родилась опасная мысль: *я всегда хотел иметь сына. С ***. С ней я хотел бы иметь ВСЁ.*

Эгаре вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха.

С тех пор как он открыл запретную комнату, что-то где-то сместилось. Его стеклянный панцирь треснул, прочерченный множеством мелких тонких трещинок, и, если он немедленно не возьмет себя в руки, панцирь разлетится вдребезги.

– У вас такой вид, как будто вам... не хватает кислорода, – услышал Эгаре голос Жордана. – Я совсем не хотел вас обидеть, мне просто интересно было узнать, что делают люди, когда вы им говорите: «Это я вам не продам. Это вам не подходит».

– Что делают? Уходят. А что делаете вы? Как поживает ваша следующая книга, мсье Жордан?

Юный писатель опустился вместе со своими дынями в кресло, окруженное горами книг.

– Никак. Ни строчки.

– Что вы говорите! А когда сдавать?

– Полгода назад.

– Ого. А что по этому поводу говорит издатель?

– Мой издатель даже не знает, где я. Никто этого не знает. И не должен узнать. Я просто больше не могу. Я больше не могу писать.

– М-да...

Жордан положил голову на дыни.

– А что делаете вы, когда вам совсем худо, мсье Эгаре? – спросил он слабым голосом.

– Я? Ничего. Почти ничего.

Я до изнеможения брожу ночами по Парижу. Днем надраиваю машинное отделение «Лулу», чищу мотор, мою борта, окна, держу все на судне вплоть до последнего винтика в полной готовности к отплытию, хотя оно уже двадцать лет стоит на приколе.

*Я читаю книги, двадцать штук одновременно. Всюду – в сортире, на кухне, в бистро, в метро. Складываю огромные, размером с комнату, пазлы, а закончив, тут же разбираю их и начинаю складывать заново. Кормлю бездомных кошек. Расставляю и раскладываю в алфавитном порядке продукты. Иногда я принимаю снотворное, чтобы уснуть, а иногда – Рильке, чтобы взбодриться. Я не читаю книг, в которых встречаются женицины, похожие на ***. Я каменею. Я иду дальше, продолжаю свои привычные занятия. День за днем. Только так мне удастся выжить. Что я делаю еще? Нет, больше я ничего не делаю.*

Эгаре взял себя в руки. Этот мальчик попросил о помощи. Он вовсе не хотел знать, как жилось Эгаре.

Так что за дело!

Он достал из маленького заветного сейфа за прилавком свое сокровище.

«Южные огни» Санари.

Единственную книгу, написанную Санари. Во всяком случае, под этим псевдонимом. «Санари» – в честь Санари-сюр-Мер, бывшего пристанища беглых писателей и писательниц на провансальском южном побережье⁹, – был закрытый псевдоним.

Его (или ее?) издатель Дюпре сидел в доме престарелых под Парижем, с Альцгеймером и в перманентном состоянии безмятежного счастья. Эгаре дважды навещал его, и тот расска-

⁹ После прихода к власти в Германии национал-социалистов в 1933 г. этот французский городок стал одним из важнейших центров немецкой антифашистской эмиграции, ее «культурной столицей». Здесь жили и работали многие известные немецкие писатели: Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Томас Манн, Генрих Манн, Стефан Цвейг и др.

зал ему с две дюжины различных историй о том, кто такой Санари и как к нему попала его рукопись.

Поэтому мсье Эгаре продолжал свои исследования, связанные с данным литературным феноменом.

Он уже двадцать лет анализировал темп его речи, подбор лексики и ритм предложений, сравнивал стиль и сюжет со стилистикой и сюжетными ходами других авторов. В итоге у него набралось двенадцать имен, гипотетически могущих быть разгадкой псевдонима Санари: семь женщин и пятеро мужчин.

Он рад был бы выразить свою благодарность одному из них. Потому что «Южные огни» Санари были единственной книгой, которая глубоко трогала его, не причиняя боли. Чтение «Южных огней» было гомеопатической дозой счастья. Это была единственная разновидность нежности, которая благотворно действовала на его незаживающую рану, прохладный ручей на выжженной земле его души.

Это был не роман в классическом смысле слова, а небольшая история о разных видах любви. С чарующими, отчасти выдуманнами словами и проникнутая огромным жизнелюбием. Шемящая грусть, с которой в ней рассказывалось о неспособности реально проживать каждый день, воспринимать его как нечто уникальное, неповторимое и драгоценное, – о, эта тоска была знакома ему до боли!

Он протянул Жордану свой последний экземпляр этой книги:

– Почитайте вот это. По три страницы каждое утро, лежа, до завтрака. Пусть это будет первое, что проникнет в вашу душу. Через пару недель вы перестанете чувствовать себя таким израненным. И избавитесь от ощущения, что ваш творческий кризис – это расплата за успех.

Макс с ужасом смотрел на него из-за своих дынь. Потом его прорвало:

– Откуда вы знаете? Я действительно ненавижу деньги и эту проклятую изнуряющую лихорадку успеха! Я жалею, что вляпался во все это! Того, кто что-то может, не любят, а скорее ненавидят.

– Макс Жордан! Будь я вашим отцом, я бы вам сейчас так всыпал за эти глупые слова! Слава богу, что ваша книга состоялась. И вы честно заслужили свой успех – каждый потом и кровью добытый цент!

Жордан вдруг вспыхнул от смущения и горделивой радости.

Что? Как я сказал? «Будь я вашим отцом»?

Макс Жордан торжественно протянул Эгаре свои душистые дыни. Опасный запах. Слишком близкий к тому лету с ***.

– Может, пообедаем? – спросил юный прозаик.

Этот тип с наушниками действовал ему на нервы, но он уже давно ни с кем не обедал.

*К тому же *** он бы понравился.*

Едва они успели нарезать дыни, как на сходнях послышался элегантный стук каблучков.

И вот на пороге камбуза выросла утренняя покупательница. Та самая. У нее были заплаканные глаза, но ясный взгляд.

– Я согласна, – сказала она. – Давайте сюда эти книги, которые не будут мне хамить, и пошли они все к черту, эти типы, которым на меня наплевать.

У Макса отвисла челюсть.

6

Эгаре закатал рукава белой рубашки, поправил узел черного галстука, надел очки для чтения, которыми стал пользоваться с недавних пор, и почтительным жестом пригласил клиентку проследовать с ним в святая святых своего литературного мира: в читальный зал со скамеечкой для ног и видом на Эйфелеву башню, открывающимся в огромном, два на четыре метра, окне. И конечно же, со столиком для дамских сумочек, пожертвованным матерью мсье Эгаре, мадам Лирабель. А рядом – старое пианино, ради которого Эгаре два раза в год вызывал настройщика, хотя сам играть не умел.

Эгаре задал клиентке (ее звали Анна) несколько вопросов.

Профессия, как обычно проходит утро, любимое животное в детстве, кошмары последних лет, последние прочитанные книги... И не говорила ли ей мать, что и как ей следует носить.

Вопросы достаточно интимного характера, но все же не слишком беспардонные. Главная задача состояла в том, чтобы, задав эти вопросы, самому сохранить гробовое молчание.

Умение слушать молча – залог успешного определения параметров души.

Анна работала в агентстве телерекламы.

– В одной команде с мерзкими типами, срок годности которых давно истек и для которых женщина – это нечто вроде гибрида кофеварки и койки.

Она каждое утро включала три будильника, чтобы вырвать себя из зверских объятий тяжелого, депрессивного сна. И принимала обжигающе горячий душ, чтобы как следует разогреться перед холодом наступающего дня.

Ребенком она питала особую слабость к толстым лори, маленьким, вызывающе неторопливым зверькам с постоянно мокрым носом.

Из одежды предпочитала красные кожаные шорты, приводившие ее мать в ужас.

Ей часто снилось, что она, в одной ночной рубашке, на глазах у мужчин, имевших для нее особое значение, погружается в зыбучий песок. И всем, всем им нужна была только ее рубашка. Ни один из них не помог ей выбраться из ямы.

– Ни один не захотел мне помочь, – повторила она с горечью, тихо, словно обращаясь к самой себе. – Ну как? – спросила она затем, посмотрев блестящими глазами на Эгаре. – Я очень глупая?

– Не очень, – ответил он.

Последней серьезной книгой, которую Анна читала – еще в студенческие годы, – была «Слепота» Жозе Сарамаго. Она привела ее в состояние полной растерянности и недоумения.

– Неудивительно, – сказал Эгаре. – Эта вещь не для тех, кто только начинает жить. Она для среднего возраста. Для тех, кто спрашивает себя: на что, собственно, ушла первая половина жизни, черт бы ее побрал? Кто уже научился отрывать взгляд от носков своих ботинок, которыми с таким усердием отмерял шаги, не заботясь о том, куда они его так бодро и весело ведут. Будучи слепым, хотя имел глаза. Басня Сарамаго нужна лишь зрячим слепцам. Вы, Анна, еще можете видеть.

Потом Анна больше не читала. Она работала. Слишком много, слишком долго. Она копила в себе усталость. До сегодняшнего дня ей ни разу не удалось привлечь на съемки рекламы моющих средств или детских памперсов ни одного мужчину.

– Реклама – это последний бастион стариков, – заявила она Эгаре и благоговейно слушавшему Жордану. – Она для них даже важнее, чем армия. Только в рекламе мир сохраняет еще некий порядок.

После всех этих признаний и заявлений она откинулась на спинку кресла.

«Ну что? – выражало ее лицо. – Меня еще можно вылечить? Не бойтесь сказать мне правду, какой бы жестокой она ни была».

Ее ответы ни в коей мере не влияли на выбор книг Эгаре. Они были нужны ему, чтобы лучше узнать ее речевые привычки, голос, его диапазон.

Эгаре собирал «трассирующие» слова, вспыхивавшие сигнальным пунктиром в потоке общих фраз. Они показывали, как эта женщина видела, чувствовала, обоняла и осязала жизнь. Что для нее было важно, что волновало ее и как ей жилось в последнее время. Что она хотела спрятать под толщей слов. Боль и тоску.

Мсье Эгаре выуживал эти слова из ее речи. Анна часто говорила: «Это не было запланировано», «Это не входило в мои расчеты». Она говорила о «бесчисленных» попытках и «кошмарах в квадрате». Она жила в математике, в ее культурной среде не было места иррациональности и каким бы то ни было оценкам. Она запрещала себе судить о вещах и явлениях, руководствуясь интуицией, и считать невозможное возможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.